

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ
СЕНТЯБРЬ, 1909 Г.

ДРЕВНОСТИ ХИВЫ И АМУ-ДАРЬИНСКАГО ОТДѢЛА.

ЭТА СТРАНА, болѣе счастливой въ отношеніи сохраненія памятниковъ старины, свидѣтелей былого величія и славы воинскихъ подвиговъ ея прежнихъ обитателей, какъ Хива и Аму-Дарьинскій отдѣлъ. Развѣ пепелъ и лава Везувія, сохранившіе Геркуланумъ и Помпею до нашихъ временъ, могутъ конкурировать въ этомъ отношеніи съ безводной, желтой пустыней, отдѣляющей Хиву отъ остальнаго міра. Какъ подъ стекляннымъ колпакомъ сохраняются древности Хивы, никто ихъ не трогаетъ, никто ихъ не знаетъ и не интересуется ими.

Какъ добраться до Хивы? Лѣтомъ съ марта по октябрь ходитъ одинъ пароходъ аму-дарьинской флотиліи два раза въ мѣсяцъ. Послѣ октября мѣсяца и это сообщеніе прекращается, и до столицы Аму-Дарьинскаго отдѣла, города Петро-Александровска, а по туземному Дюртъ-Гуля (четыре цвѣтка), можно добраться только верхомъ или на верблюдахъ. Верблюды идутъ двѣ версты въ часъ, запряженные цугомъ въ огромную крытую телѣгу, и везутъ васъ отъ Чарджуя до Петро-Александровска 8 или 10 сутокъ. До станціи Кабаклы тянется бухарская территорія, дальше уже идетъ Хива.

Въ настоящее время Хива очень мирная страна: производитъ въ большомъ количествѣ хлопокъ и торгуетъ съ Москвой, не слышно въ ней ни о разбояхъ, ни о грабежахъ; но прошлое Хивы, несомнѣнно, очень воинственно. Всѣ памятники старины—это развалины крѣпостей, покрывающія почти всю Хиву и Аму-Дарьинскій от-

дѣль. Крѣпости эти очень древни, никто не знаетъ, къ какой эпохѣ онѣ относятся, когда и кѣмъ построены, по каждая имѣетъ свое названіе и свою легенду, которую всегда твердо и единообразно разскажутъ вамъ окрестные жители.

На пятый день пути отъ Чарджуя до Петро-Александровска у станціи Дарганъ-Ота, что значить—отецъ каючниковъ или лодочниковъ (каюкъ это огромная, сдѣланная изъ толстыхъ брусевъ лодка; лодки эти ходятъ по Аму-Дарѣ съ грузомъ и пассажирами, успѣшно конкурируя съ пароходомъ аму-дарьинской флотиліи, а хозяинъ такой лодки называется дарга), на невысокомъ холмѣ стоитъ крѣпость, издали кажущаяся развалинами большого города. Называется она Ауліа-Бава-Кола, стоитъ въ верстѣ отъ Аму-Дарьи; изъ нея на далекое разстояніе видна величавая рѣка и въ этомъ мѣстѣ—зеленый лѣвый берегъ ея, покрытый тугаемъ (лѣсомъ). Внутри крѣпости постройки изъ жженого и сырцевого кирпича громаднхъ размѣровъ. Хозяинъ станціи Дарганъ-Ота разсказалъ мнѣ, что онъ не знаетъ, кто и когда построилъ крѣпость эту, извѣстно только ему, что въ крѣпости зарыто много золота и что ханъ хивинскій приказалъ никого въ нее не допускать, хотя какіе-то иностранцы и просили разрѣшенія его произвести раскопки.

Верстахъ въ пятидесяти съ Ауліа-Бава, внизъ по теченію Аму-Дарьи и на ея берегу возвышается на горѣ другая крѣпость Дая-Хатынь-Кола, жженого же кирпича, гораздо меньше размѣромъ Ауліа-Бава, съ бастіонами по угламъ. У самой крѣпости притаилась и станція. Сторожъ станціи хивинецъ разсказалъ легенду Колы (крѣпости). Дая-Хатынь въ переводѣ: Дая—имя, Хатынь—женщина или жена. Крѣпость существуетъ 700 лѣтъ. Исторія ея довольно странная. Бухарскому эмиру Абдуллѣ измѣнила его жена Дая. Она была женщина строгая, жестокая и третировала Абдулла съ своими поклонниками, въ то же время распорядясь въ Бухарѣ, какъ полная хозяйка. Абдулла не вынесъ позора и гнета жены, тайно убѣжалъ въ хивинскіе предѣлы и здѣсь, на берегу Аму-Дарьи, началъ поснѣшно строить себѣ крѣпость, не жалѣя денегъ на рабочихъ, платилъ каждому рабочему по золотой тиллѣ въ день. Но не долго скрывался въ своей колѣ Абдулла. Дая узнала о его мѣсто-пребываніи, пришла къ крѣпости съ войскомъ, осадила ее и взяла приступомъ, Абдулла при этомъ былъ убитъ; крѣпость съ тѣхъ поръ и называется именемъ этой жестокой правительницы Бухары—Дая-Хатынь. Кирпичи, изъ которыхъ сложена крѣпость, огромны, — $\frac{3}{4}$ аршина длины, $\frac{1}{2}$ аршина ширины и $2\frac{1}{2}$ вершка толщины.

Правый берегъ Аму-Дарьи принадлежитъ не Хивѣ, а Россіи—это Аму-Дарьинскій отдѣлъ съ городомъ Петро-Александровскомъ. Названіе свое городъ получилъ потому, что попытка завоеванія Хивы сдѣлана была при Петрѣ, когда былъ убитъ посланный въ Хиву съ небольшимъ отрядомъ генералъ Бековичъ, а окончательно

ное завоеваніе совершилось при Александрѣ Второмъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1908 года городъ Петро-Александровскъ праздновалъ тридцатипятилѣтіе своего существованія. Итакъ, только тридцать пять лѣтъ, до этого же времени Хива была недоступна для европейцевъ вовсе. Петро-Александровскъ — административный центръ Аму-Дарьинскаго отдѣла, части Хивы, принадлежащей Россіи. Населеніе—чиновники, батальонъ солдатъ и небольшое количество уральцевъ, сосланныхъ лѣтъ 30 тому назадъ съ Урала, всего, кромѣ войскъ, населеніе Петро-Александровска человекъ 400—500 обоюго пола. Есть коммерсанты, занимающіеся скупкой хлопка и клевернаго сѣмени. Большинство коммерческихъ конторъ находится въ городѣ Ургенчѣ на хивинской территоріи. Въ общемъ населеніе,—чиновники, съ одной стороны, и коммерсанты съ другой,—погружено въ свои профессиональные интересы, и окружающая страна не интересуется ихъ. Въ Петро-Александровскѣ меня поразило обиліе старинныхъ монетъ, продающихся на базарѣ мѣдникамъ (самоварчи) на пуды. Я сталъ разспрашивать, откуда эти монеты достаютъ и почему ихъ такъ много. Оказалось, что послѣ завоеванія Хивы въ рукахъ русскихъ осталось большое количество незаселенныхъ земель и необработанныхъ. Обрабатывать ихъ было невозможно, потому что земля не была орошена. Тогда стали проводить арыки отъ Аму-Дарьи, и земли постепенно орошались. Земли эти «партау» раздавались туземцамъ небольшими кусками до десяти танавовъ каждому (танавъ— $\frac{3}{4}$ десятины). Особенно много оказалось партауной земли въ Сарабійской волости, близъ старинной крѣпости, называемой теперь Гульдурсунъ-Кола. Земледѣльцы-сарты при вскапываніи земли вокругъ крѣпости, находили массу мѣдныхъ, серебряныхъ и золотыхъ монетъ, разныхъ украшеній, драгоценныхъ камней и даже, мнѣ говорили, изображеній какихъ-то божковъ. Старыя мѣдныя монеты продавались на пудъ мѣдникамъ для переплавки, также точно серебряныя и золотыя монеты переплавлялись. Были, впрочемъ, нѣкоторые любители изъ русскихъ, успѣвшіе собрать большое количество монетъ. Интересовался хивинской стариной и собралъ много монетъ, напримѣръ, бывшій начальникъ отдѣла генералъ Галкинъ—въ настоящее время губернаторъ Самаркандской области. Мнѣ лично удалось собрать до 300 монетъ, все изъ той же мѣстности въ окрестности Гульдурсунъ-Колы. Удивительно, что монеты были разныхъ эпохъ и разныхъ народовъ, напримѣръ, монета Септимія Севера; на одной сторонѣ изображеніе этого римскаго императора, на другой—изображеніе богини Астарты. Монета эта финикійскаго города Ботрисъ. Затѣмъ монетъ базилевса Ефтидема Второго, царя Бактріи, монета базилевса Эаіоклевса Дикаіу. Послѣднія монеты вычеканены изъ смѣси мѣди и серебра, съ одной стороны имѣютъ изображеніе упомянутыхъ базилевсовъ, а съ другой—воина въ плащѣ, съ копьемъ въ

одной рукѣ и щитомъ въ другой. Самое большое количество монетъ находятъ здѣсь времянь Дарія Гистаспа и Кира. На монетахъ изображены разные персидскіе цари въ разнообразныхъ головныхъ уборахъ, на другой сторонѣ этихъ монетъ имѣется изображеніе воина на конѣ съ натянутымъ лукомъ, какъ бы готоваго пустить стрѣлу. И все это возлѣ той же крѣпости. Не указываетъ ли это на безконечную древность этой колы? На то, что въ этомъ пустынномъ нынѣ мѣстѣ, только начинающемъ заселяться, кипѣла когда-то жизнь, что много народовъ древности здѣсь жило, много эпохъ и династій персидскихъ они пережили, что здѣсь бывали греки и, быть можетъ, и Ксенофонтъ со своими 10-ю тысячами грековъ проходилъ здѣсь, бывали и финикійцы—эти англичане древняго міра, всюду проникавшіе со своими товарами.

Вмѣстѣ съ приватъ-доцентомъ петербургскаго университета С., пріѣхавшимъ въ Хиву для изученія тюркскихъ нарѣчій, я отправился осмотрѣть эту крѣпость. Поѣхали верхомъ. Крѣпость находится всего въ 30 верстахъ отъ Петро-Александровска. Остановились мы у волостного правителя Садыкъ-Бая. Поужинавъ традиціоннымъ пловомъ, мы послѣ того, какъ у мечети мулла высокимъ теноромъ прокричалъ намазъ-хуптанъ, отправились спать на «такыръ», это то же, что у насъ называется «токъ», гдѣ молотятъ пшеницу. Я не поэтъ, но окружающая обстановка невольно вызывала въ моемъ воображеніи фантастическія картины. Небо, какъ и всегда въ Туркестанѣ, было удивительно чистое, темно-темно-синее. Луна ярко свѣтила. Кругомъ песчаная пустыня, безъ признаковъ человѣческаго жилья, кромѣ «ханы» (дома) волостного управленія и мечети. Издали виднѣлись развалины Гульдурсуня, принимавшія какіе-то огромные размѣры и фантастическія очертанія. На такырѣ свободно гулялъ вѣтеръ и относилъ сонмъ комаровъ, можно было спать безъ пеше-хана—кисейной будки, которую ставятъ на ночь надъ постелью даже самые бѣдные хивинцы, иначе комары страшно искусаютъ. Къ намъ подсѣлъ Садыкъ-Бай и по нашей просьбѣ разсказалъ исторію Гульдурсунъ-Колы. «Не знаю, правда или нѣтъ, но старики разсказываютъ, что крѣпость эту построилъ персидскій шахъ Хасанъ и вотъ по какому случаю. Однажды Хасанъ охотился въ степи на жирановъ съ соколами и встрѣтилъ дѣвушку, красавицу-еврейку, звали ее Зурія, а другіе называютъ Малійке. Зурія бѣжала отъ своего отца. Хасанъ взялъ къ себѣ дѣвушку и хотѣлъ на ней жениться, но она раньше поставила условіемъ, чтобы Хасанъ построилъ крѣпость. Шахъ исполнилъ ея желаніе и соорудилъ крѣпость, а посреди крѣпости воздвигъ въ честь своей молодой жены колонну, которую называли Гуль-Ситунъ, что значитъ—столбъ въ цвѣтахъ; отъ этой колонны получила свое названіе и крѣпость; это названіе со временемъ передѣляли въ Гульдурсунъ, но это не-

правильное названіе», добавилъ рассказчикъ. Крѣпость сначала разрушили калмыки, сдѣлавшіе нападеніе на эту страну. Послѣ нихъ край оправился, но не надолго: вскорѣ появился новый завоеватель, Чингизъ-Ханъ; послѣ него край опустѣлъ, все обратилось въ пустыню, и такъ до сихъ поръ. Крѣпость Большой Гульдурсунъ, или, правильнѣе, Гуль-Ситунъ, стоитъ на невысокой искусственной насыпи или горѣ. Площадь, занимаемая крѣпостью, равняется 100 квадратнымъ саженьямъ. Крѣпость имѣетъ тройную стѣну. Съ каждой стороны крѣпости имѣется по три башни—двѣ по угламъ, а одна по срединѣ стѣны. Построена изъ жженого кирпича огромныхъ размѣровъ. Внутри площадь крѣпости засыпана пескомъ, поднимающимся барханами почти до верхушекъ стѣнъ. Входъ въ крѣпость съ востока, по бокамъ входа двѣ сторожевыя башни. Стѣны и башни (капониры) имѣютъ бойницы, псзволяющія обстрѣливать непріятеля вдоль стѣнъ. Въ полуверстѣ отъ крѣпости сохранились остатки стѣнъ, довольно высокихъ, съ орнаментами, быть можетъ, какихъ-нибудь общественныхъ зданій или мечетей.

Въ двухъ верстахъ отъ большой крѣпости находится малая крѣпость, называемая Малый Гуль-Ситунъ. Устроена такъ же, какъ и большая, но меньше площадью. Внутри она также занесена пескомъ.

Съ противоположной стороны стоитъ маленькая крѣпость Ташъ-Кола, что значитъ—каменная крѣпость. Въ промежуткахъ между этими крѣпостями вездѣ видны остатки какихъ-то зданій, отъ которыхъ сохранились лишь высокія стѣны, но цѣлаго эти зданія уже не представляютъ; осталось по одной или по двѣ стѣны. Одна такая стѣна обратила на себя наше вниманіе; она была украшена орнаментами; до вершины отъ самаго низа въ стѣнѣ были выдолблены правильными рядами ячейки, какія-то углубленія полулуной формы, размѣромъ въ основаніи не больше четверти аршина. Зачѣмъ сдѣланы эти углубленія, какую роль они играли,—никто изъ самыхъ старыхъ аборигеновъ не могъ объяснить этого: «теперь такихъ ямочекъ въ стѣнахъ никто не дѣлаетъ, а зачѣмъ онѣ—не знаемъ», говорили они.

Несомнѣнно, что здѣсь когда-то была цвѣтущая страна, густо населенная, расцвѣтавшая подъ охраной этихъ крѣпостей, но теперь все обратилось въ развалины, кругомъ песчаная пустыня, и только вѣтеръ дѣлаетъ свое благородное дѣло, покрывая песчанымъ саваномъ дряхлыхъ, разрушающихся свидѣтелей сѣдой старины, какъ бы желая сохранить ихъ такимъ образомъ отъ полнаго разрушенія. Самые старые старики изъ сосѣднихъ селеній не знаютъ ничего о крѣпости, кромѣ рассказанной легенды, и какъ будетъ жаль, если эта старина не будетъ изслѣдована, изучена; если жившіе здѣсь люди страдали, боролись, создавали какую-то культуру

напрасно, и потомки ничего не воспримутъ отъ нихъ и даже не узнаютъ, кто они были...

Верстахъ въ тридцати къ сѣверу отъ Гуль-Ситуня въ горахъ находится крѣпость Кизиль-Кола. Она еще больше Гуль-Ситуня. Близъ нея также находятъ монеты въ большомъ количествѣ, попадающія затѣмъ къ самоварчи и переплавляемыя ими на такіе полезные предметы, какъ самовары и котлы, кольца и браслеты.

Въ настоящее время, какъ я уже говорилъ, русское правитель-ство раздастъ вокругъ этихъ крѣпостей свободныя земли (партау) туземцамъ; земли эти орошаются проведеннымъ изъ Аму-Дарьи арыкомъ, и въ недалекомъ разстояніи отъ крѣпостей появились маленькія земельныя усадьбы: глиняныя съ плоской крышей ма-занки, вдоль по арыку тополя, а поле засѣяно хлопкомъ, который даетъ здѣсь такой хорошій барышъ, и клеверомъ. Пройдетъ еще не-много времени, и найдутся, можетъ быть, охотники и на занятіе пло-щади подъ крѣпостями и сроятъ ихъ. Есть, впрочемъ, въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ памятники старины, которые не боятся ни времени, ни меркантильнаго духа современной дѣйствительности, по крайней мѣрѣ отъ послѣдняго они совершенно гарантированы, а «времени полетѣ» ихъ сокрушить не скоро. Такой памятникъ я видѣлъ, проѣзжая изъ Петро-Александровска въ Чимбай. Здѣсь отъ Бій-Базара дорога сначала идетъ по каменистому грунту, а за-тѣмъ, ближе къ селенію Назаръ-Ханъ, переходитъ въ совершенную пустыню, желтую песчаную степь безъ единой травинки. Ни одного живого существа не видно въ этой пустынѣ, ни птицы, ни звѣря. И вотъ въ сторонѣ отъ дороги, такъ верстахъ въ двухъ, я увидѣлъ совершенно правильную конусообразную гору, а на вершинѣ ея какъ бы круглую шапку. Я поразился и спросилъ, что это тамъ на горѣ, кто тамъ живетъ, домъ, что ли, какой, и вотъ мнѣ объяснили, что это Челпыкъ-Кола (Челпыкъ—крѣпость). Такъ какъ я торо-пился на слѣдствіе въ Назаръ-Ханъ, то, несмотря на весь интересъ, осмотрѣть эту крѣпость не удалось, проѣхалъ мимо, а въ Назаръ-Ханѣ разспросилъ стариковъ объ этой Челпыкъ-Колѣ и мнѣ раз-сказали слѣдующее. Былъ когда-то Челпыкъ, богатырь, великанъ и силачъ. Занимался онъ разбоями и грабежами, и никто не могъ ни пройти, ни проѣхать мимо этой крѣпости въ плодородную и бога-тую Чимбайскую долину, чтобы не заплатить дани Челпыку. Съ высоты своего кургана онъ издали уже видѣлъ путниковъ и кара-ваны и бралъ съ нихъ, что хотѣлъ. Каюками по Аму-Дарьѣ тоже не могли безопасно проѣхать мимо Челпыкъ-Колы, потому что и рѣка ему была видна на огромное пространство. Награбленные сокровища хранилъ Челпыкъ въ глубокихъ колодцахъ, прорытыхъ отъ вершины горы въ глубину; и теперь эти колодцы есть, да боятся въ нихъ спускаться, потому что они находятся подъ охраной шай-

тана. И Назаръ-Ханъ, управлявшій нѣкогда этой мѣстностью (отъ его имени произошло и названіе селенія), боялся Челпыка и платилъ ему дань.

Пріѣхавъ въ Чимбай, я познакомился тамъ съ киргизомъ-учителемъ русско-туземной школы, кончившимъ ташкентскую учительскую семинарію. Онъ подтвердилъ мнѣ рассказанную мнѣ исторію Челпыкъ-Колы, говорилъ, что лазилъ на гору и видѣлъ колодцы, но спуститься туда побоялся, при чемъ сказалъ, что у него были и древнія большія серебряныя монеты, найденныя на Челпыкъ-Колѣ. Я страшно обрадовался и просилъ учителя продать ихъ мнѣ или хоть показать, но оказалось, что онъ ихъ отвезъ въ Петро-Александровскъ и отдалъ золотыхъ дѣлъ мастеру, чтобы тотъ, переливъ ихъ, сдѣлалъ ему цѣпочку и кольцо.

Возвращаясь изъ Чимбая, я взобрался на Челпыкъ-Колу. Гора очень высокая и крутая, изъ стѣнъ глядѣли на меня бойницы, какъ глаза покойника; а когда-то въ нихъ глядѣли бородатыя лица воиновъ, вооруженныхъ луками. Взобравшись въ крѣпость, я поразился необъятностью и красотою открывающагося съ нея вида. Съ одной стороны—желтая песчаная пустыня, по которой извивалась дорога изъ одного богатаго района—Бій-Базарской волости—въ другой—Чимбайскую волость, а съ другой стороны видна была Аму-Дарья на необъятное пространство. Сама крѣпость очень маленькая. Площадь 100 квадратныхъ аршинъ. Стѣна въ двѣ сажени толщиной, сложенная изъ громадныхъ сырцовыхъ кирпичей, правильнымъ кругомъ обвивала вершину горы, почему издали казалась шапкой на горѣ. Въ стѣнахъ кругомъ бойницы. По срединѣ этого маленькаго укрѣпленія, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ лежитъ огромный черный камень-плита, на которой, какъ объяснялъ проводникъ-хивинецъ, ночью раскладывался костеръ. Внутри крѣпости, близъ стѣнъ имѣются какія-то ямы, уходящія въ глубину къ подошвѣ горы,—это и есть тѣ колодцы, въ которыхъ, по преданію, хранились сокровища. Чтобы спуститься въ нихъ, нужны приспособленія, и я ограничился только тѣмъ, что смотрѣлъ въ ихъ зіяющую тьму. Величина колы указывала, что въ ней могло помѣститься не больше 20 человекъ. Крѣпость, какъ я уже сказалъ, окружала пустыня, пески которой не могли служить почвой для земледѣльческой культуры; очевидно, что обитатели колы могли жить только разбоемъ или приношеніями и данью ближайшихъ населенныхъ мѣстъ. Я хотѣлъ въѣхать въ колу верхомъ, но гора была такъ крута, что пришлось лошадей оставить у подошвы ея. Пришлось взбираться на гору чуть не ползкомъ. Былъ ли Челпыкъ хивинскимъ Соловьемъ-разбойникомъ, что налеталъ на проѣзжихъ злымъ коршуномъ, или то была крѣпостца, игравшая роль сторожевого поста для чимбайскаго населенія, неизвѣстно. Трудно пред-

положить, чтобы разбойникъ могъ выстроить такую прекрасную и недоступную крѣпость, хотя, съ другой стороны, нельзя не вѣрить и легендѣ, называющей Челпыка великаномъ-разбойникомъ,— въ ней нѣтъ ничего сложнаго, чтобы допустить извращеніе или фантазію. Много еще крѣпостей и старинныхъ памятниковъ въ Хивѣ; я не успѣлъ осмотрѣть и самой малой доли ихъ. Одни, какъ Челпыкъ-Кола, долго еще уцѣлѣютъ, другіе уничтожатся, и жаль, искренно жаль, что наши ученые археологи эту страну руинъ оставляютъ безъ своего просвѣщеннаго вниманія.

А. М. Герасимовскій.

